
А. С. ХОЦЕЙ

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ИСТОРИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛОГИКИ¹

Проблематичность тех или иных трудных проблем философии имеет разные корни. Однако не будет новостью сказать, что в немалом числе случаев она обусловлена чисто «техническими» обстоятельствами и, в первую очередь, нечеткостью формулировок соответствующих проблем и произрастающими на этой почве логическими ошибками в размышлениях обсуждающих их мыслителей. Это, в частности, обнаруживается в сочинениях многих авторов, пишущих на тему смысла истории (а также и родственную ей тему смысла жизни). Затруднения, испытываемые при решении данной проблемы, сплошь и рядом проистекают из простого небрежения логическим законом тождества, то есть из того, что упомянутые авторы не затрудняют себя тем, чтобы предварительно прояснить значения употребляемых ими слов «смысл» и «история», а также выражения «смысл истории». Прав С. Н. Баранец, отмечающий, что «многозначительность темы смысла истории довольно часто преувеличивается, и это преувеличение является ...прямым следствием ее многозначности, но отнюдь не какой-то особенной, ни с чем не сравнимой глубины». И уж тем более нельзя не согласиться с ним в том, что «задача теоретического исследования проблемы смысла истории» для своего решения требует перевода этой проблемы «в понятийную конструкцию, внятную и логически верную»².

Настоящая статья как раз и представляет собой попытку пойти по указанному пути. Притом, дабы решить эту задачу с должной степенью убедительности (а также ввиду того, что логика сегодня не у всех в чести), я вынужден начать защиту провозглашенного тезиса издалека – с обоснования самой правомочности логических законов.

¹ Редакция не разделяет позиции автора.

² Баранец, С. Н. Проблема смысла истории: современные перспективы социально-философского анализа (ст. первая) // Труды членов РФО. Выпуск 4. – 2003. – С. 47.

1. ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО ВЫПОЛНЯТЬ ТРЕБОВАНИЯ ЛОГИКИ?

а) Сфера юрисдикции законов логики

Логика определяется как наука о правилах мышления³. Причем любого, а не какого-то особого, узкоспециализированного. О чем бы мы ни мыслили и что бы мы ни мыслили (об указанном чем-то), но если мы действительно мыслим, если налицо именно мышление как определенный процесс нашей умственной деятельности, то налицо и некая упорядоченность, структура, «технология» этого процесса, которые описываются (и нормативно задаются) не чем иным, как законами (правилами) логики.

Отсюда следует ряд выводов. В частности, например, такой, что данные правила нельзя отождествлять с правилами научного познания (а тем более – с правилами только естественнонаучного познания). Логичность – не научность. Они соотносятся, как общее и частное, как род и вид. Наука, конечно, обязана быть логичной. «Логика есть неустранимое требование всех наук»⁴, однако ее требования обязательны не только для ученых: их должен выполнять всякий, кто берется что-либо доказывать (умозаключать от посылок к выводам) или хотя бы утверждать (формулировать осмысленные суждения). Сегодня, скажем, сложилась такая ситуация, что, с одной стороны, многие философы считают философию не наукой, а с другой – популярны философские школы, вообще скептически (и даже нигилистически) настроенные в отношении науки и ее методов. Соответственно и те и другие отказываются придерживаться требований научной методологии: первые – на том основании, что к собственно философскому познанию она-де неприменима, вторые – из общего концептуального презрения к научности как таковой. Я не разделяю данных взглядов, однако давайте представим, что они верны и философы действительно вправе игнорировать научные методы, – из этого еще никак не следует, что философия, тем самым, освобождается и от обязанности быть логичной.

Равным образом неправомерно отождествлять требования логики и с программными установками каких-либо локальных фило-

³ «Логика связана с правилами правильного мышления при оперировании с истинами» (Больцано, Б. Учение о науке. – СПб.: Наука, 2003. – С. 474).

⁴ Гуссерль, Э. Логические исследования. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 42.

софских школ – например, логического позитивизма или аналитической философии. Хотя императив последней («не следует приступать к занятиям философией без определения значения терминов того языка, которым ты будешь пользоваться»⁵), по сути, есть не что иное, как парафраз закона тождества, отсюда еще не следует, что руководствоваться правилом обязаны лишь те, кто открыто провозглашает свою приверженность его соблюдению. Логичность мышления обязательна не только для представителей указанных школ.

С обратной стороны, выступить в защиту требований логики вовсе не значит быть неопозитивистом. Само по себе соблюдение правил мышления не предполагает ни сосредоточения внимания исследователей на проблемах языка, ни отрицания метафизики.

Так что повторяю: предписания логики суть требования не только науки и не только какой-то локальной философской школы. Это правила мышления вообще, которые обязан уважать (и, главное, соблюдать) всякий мыслящий.

б) Закон тождества

Одним из указанных правил и является закон тождества, гласящий, что в конкретном рассуждении «А» всегда должно выступать именно как «А», не превращаясь по ходу дела то в «В», то в «С» и далее по алфавиту. Иными словами, этот закон провозглашает необходимость (для правильного мышления) обеспечения строгой определенности представления о предмете мысли или, что то же, однозначного понимания обозначающего данный предмет термина (во всех случаях его употребления в рамках конкретного рассуждения). Если, например, некая конструкция на четырех ножках исходно названа нами словом «стул», то и впредь, произнося «стул», мы обязаны иметь в виду (представлять себе) именно данный объект, а не что-то иное, тем или иным образом сходное с ним, – не стол (чье наименование звучит и пишется почти одинаково), не лошадь (тоже имеющую четыре ноги), не шкаф (принадлежащий тому же роду – мебели) и не табурет (предназначенный для выполнения той же функции).

Точно так же следует обращаться и со всеми другими словами, и в том числе с терминами «смысл» и «история», составляющими

⁵ Никоненко, С. В. Английская философия XX века. – СПб.: Наука, 2003. – С. 8.

выражение «смысл истории». Тут тоже, прежде чем приступать к конкретным рассуждениям, необходимо точно установить, что за объекты мы именуем данными терминами, и далее использовать последние только строго «по назначению».

Впрочем, эта тема требует более детального рассмотрения. Кажущаяся очевидность необходимости определенного и однозначного понимания терминов (в рамках конкретного рассуждения) может оказаться действительно только кажущейся. По крайней мере, в истории философии высказывались и такие мнения, что указанная необходимость обязательна далеко не всегда, что тут встречаются отдельные исключения. Так, в свое время отечественный философ П. С. Юшкевич, отмечая тот факт, что, в отличие от научных понятий, которые «все определены и однозначны... философские понятия... какие-то "мерцающие"», истолковывал сие отнюдь не как следствие их недоопределения, отражающего нечеткость бытующих представлений о сущностях тех объектов, которые именуется данными терминами, а как имманентную особенность (и чуть ли не достоинство) философии. «Расплывчатость, "мерцание" философских понятий», по его мнению, «не есть случайный признак их, продукт недостаточного расчленения и обработки», а есть «их существенная составная черта»⁶.

Данная позиция как раз предполагает то, что не все слова подсудны логическому закону тождества, что существуют и такие термины (конкретно – философские), которые не могут быть строго определены. (Подчеркиваю: выражение «не могут быть» указывает тут на принципиальную невозможность, а не на простую трудность предприятия или его невыполнимость при имеющемся багаже знаний.) Этот вызов нельзя оставить без ответа. Отсюда наш следующий вопрос.

в) Возможна ли строгая определенность философских терминов?

Для прояснения данного вопроса нет нужды подвергать детальному разбору аргументы собственно П. С. Юшкевича – хотя бы ввиду практически полного их отсутствия. Лучше рассмотреть

⁶ Юшкевич, П. С. О сущности философии // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 153.

проблему в общем (ведь всегда предпочтительнее найти общее решение⁷). Что вообще в состоянии принципиально воспрепятствовать строгому определению какого-либо термина? Ясно, что непринципиально этому препятствует многое – от плохого знания нами предмета до неспособности, неумения или даже, पुше того, нежелания строго определять. Однако все эти обстоятельства случайны и преходящи. Гипотетические препоны, отрицающие строгую определимость термином в принципе, должны обнаруживаться в чем-то ином.

Более того, их вообще следует искать не в природе субъекта. Ведь речь у нас идет не о невозможности строгого определения всех слов вообще⁸, а лишь о невозможности этого для отдельных терминов (некоего их особого класса). Но раз имеются термины, которые мы в состоянии строго определить, то, стало быть, *мы способны строго определять*, и невозможность строгого определения некоторых терминов порождается не природой человека. Тот же ход мысли понуждает отвергнуть в качестве причины указанной невозможности также и общую природу терминов. Поскольку часть их может быть строго определена, постольку невозможность строгого определения другой их части не может проистекать из природы терминов вообще. Она может тут порождаться только некоей особенностью самого данного частного класса терминов.

Причем, как понятно, – особенностью не их форм, а их содержаний. Определенности слов – суть определенности их значений, задаваемые тем, что за ними стоит (то есть определенностями того, именами чего эти слова являются). Здесь же обнаруживаются, во-первых, некие представления, обитающие в наших головах (в виде не только конкретных образов, но и абстракций), и, во-вторых, реальные объекты как источники формирования большинства указанных представлений. В отношении слов (и соответственно такой их разновидности, как научные термины) реальные объекты выступают их денотатами, а представления – их (слов) значениями.

⁷ «Общие предложения по возможности должны предшествовать особенным... поскольку последние могут быть выведены из общих в качестве следствий» (Больцано, Б. Учение о науке. – С. 443).

⁸ На такой общей невозможности настаивает К. Поппер (Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 18–29), но объем данной статьи, к сожалению, не позволяет мне рассмотреть его аргументы.

При этом у всех слов есть значения (то есть за каждым из них стоит соответствующее представление), но не у всех – денотаты. Слов (как значащих)⁹ не может быть без представлений. Но сами представления вырабатываются не только в ходе восприятий реальных объектов. Разумеется, данные восприятия лежат тут в основе, так сказать, первичны, но, отталкиваясь от них, наш мозг в состоянии комбинировать их результаты (то есть те же представления) уже вполне произвольно, формируя и такие представления, которые не соответствуют чему-либо в реальности. И эти представления также обозначаются какими-то словами, которые, тем самым, оказываются значащими, но не имеющими денотатов. Например, слово «кентавр» имеет значение (за ним стоит представление о человеко-лошади), но не имеет денотата (ибо в реальности человеко-лошадей нет).

Итак, слова имеют значения лишь постольку, поскольку они для нас что-то значат – не в ценностном смысле, а содержательно, как обозначающие нечто знаки. А значат они для нас в этом смысле что-либо только тогда, когда их восприятия вызывают в нашем мозгу какие-либо определенные представления: каждое слово – свое. Вот эти представления и являются значениями этих слов¹⁰. Описание же конкретного представления выступает определением значения того слова, которое его вызывает (обозначает). Отсюда строгость определений слов есть точность описаний обозначаемых ими представлений и ее объективным основанием является определенность этих представлений. Именно к последней сводится действительная определенность значений, придаваемых нами терминам. Если она налицо, то после поименования данного определенного представления неким словом-знаком (в результате чего оно ставится в отношении к этому знаку и приобретает статус его значения¹¹) формальное определение этого слова является уже чисто технической задачей и сводится лишь к адекватному описанию указанного представления.

⁹ А незначащих слов просто не бывает. «Слово, лишенное значения, не есть слово; оно есть звук пустой» (Выготский, Л. С. Психология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 464).

¹⁰ «Смысл слова... представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» (Выготский, Л. С. Указ. соч. – С. 498).

¹¹ Точно так же, как (пользуясь примером Б. Рассела) мужчина, оставаясь сам по себе мужчиной, при рождении у него ребенка приобретает еще и статус отца.

Соответственно возможность строгого определения терминов обуславливается возможностью формирования четко определенных представлений. И вопрос у нас теперь стоит так: что может воспрепятствовать определенности тех или иных наших представлений? Тут сразу обнаруживается, что представления, являющиеся вторичными продуктами деятельности мозга, то есть фантазиями и научными идеализациями (как-то: представления о кентавре, абсолютно упругом теле, нерастяжимой нити и пр.), в данном отношении зависят лишь от нас самих. Нафантазировать (и наидеализировать) мы себе можем все, что угодно (в отношении идеализаций – все, что требуется по условиям решаемой научной задачи), и с любой степенью четкости (точности). Значит, в поле нашего зрения остаются только представления, «навеянные» нам реальными объектами. Чем же может быть обусловлена принципиальная нечеткость таких представлений?

Принципиально неопределенность представления об объекте может быть обусловлена только неопределенностью самого данного объекта. Во всех остальных случаях (когда объект обладает определенностью) расплывчатость нашего представления о нем – результат лишь наших собственных недоработок, вызванных все теми же уже упоминавшимися выше незнанием, неспособностью, неумением и нежеланием. Но что мы именуем определенностью объекта? По сути, некую его отграниченность от всего прочего (здесь не случаен корень «предел»), причем не только и не столько пространственного, сколько «качественного» плана (ведь далеко не все объекты обладают пространственными характеристиками), при котором отграниченность выступает не как отдельность, а как отличие. Определенность есть не что иное, как обладание отличительными чертами.

С другой стороны, для бытия определенности объекта нужна еще и его тождественность самому себе на протяжении какого-то времени. Без этой его длящейся самотождественности просто не будет и его отличия от чего-то другого, ибо тогда, собственно, нечему будет отличаться. Отличительные черты объекта сами должны быть устойчивыми, сохраняющимися в качестве определяющих его признаков. Таким образом, определенность есть устойчивое отличие от иного, одновременно являющееся тождеством с самим

собой. Отсюда всякий объект, который хоть как-то устойчив, то есть сохраняется какое-то время как данный, как тождественный себе и вместе с тем отличный от всех прочих объектов, – всякий такой объект обладает определенностью.

Скажу больше: только о таком объекте можно утверждать, что он есть вообще – как реальный объект, как нечто сущее. То, что не обладает устойчивыми отличительными признаками, будучи либо тотально изменчивым (в духе Гераклита), либо ничем не отличающимся (включая сюда и пространственную отдельность) от всего прочего (в духе «Одного» элеатов), то попросту не существует, а не только не может являться объектом нашего познания и денотатом какого-либо представления (и слова). Абсолютная неопределенность (в обеих ее указанных ипостасях) есть характеристика Небытия, абсолютного Ничто. Все, что реально есть, необходимо обладает определенностью – ибо именно ее наличием и определяется само существование чего-либо. Какой бы феномен мы ни взяли, он и онтологически существует, и гносеологически дан нам лишь в силу его обособленности (отличия и отдельности) от всех прочих феноменов. А следовательно, тут всегда имеется то, на что можно опереться при выработке четкого (то есть отличного от всех других имеющихся в мозгу представлений) представления об объекте, а затем – и строгого определения значения обозначающего его термина.

Отсюда все слова (включая философские термины), если они хоть что-нибудь значат, могут быть конкретизированы в своих значениях, а затем и строго отличены в своих определениях.

г) Соотношение определенности и однозначности и возможность последней

Итак, любому термину может быть придано определенное значение. Но строгость терминов не сводится только к этому. Требованием логики, как отмечалось, является также и однозначность слов, то есть обозначение каждого особого представления специальным термином. Большинство слов живого языка многозначно. «Язык не удовлетворяет уже первому требованию, которое к нему... должно быть предъявлено (с целью ограждения его от ошибок. – А. Х.), – требованию однозначности»¹². Так, скажем, русское

¹² Фреге, Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 154.

слово «ключ» обозначает и «металлическое приспособление для запираания и отпираания замка», и «гаечный ключ», и «бьющий из-под земли источник, родник»¹³.

При этом обращаю внимание на то, что все перечисленные значения данного многозначного слова вполне определены. Многозначность термина – совсем не то, что его неопределенность. У слова может быть сколько угодно значений – из их многочисленности никак не проистекает непременно их неопределенности. Скорее, напротив: чем больше у слова значений, тем они должны быть определеннее, иначе мы просто не сможем и распознать их как особые значения. Ведь неопределенные значения суть неразличаемые значения. Слово, объективно обозначающее ряд неопределенных представлений, субъективно должно казаться нам обладающим лишь одним значением. Осознание самого того, что у него несколько значений, напрямую обуславливается не чем иным, как осознанием определенностей этих значений (представлений). Отсюда там, где имеется неопределенность, нет многозначности (не объективно, а как осознаваемого, данного нам феномена), а там, где налицо явная многозначность слова, не может быть неопределенности его значений. Нестрогость определения слова и его явная многозначность – это две разные и даже, более того, отрицающие одна другую нестрогости.

В связи с этим перед нами встает дополнительный вопрос о возможности искоренения многозначности терминов, на который ответить не в пример легче, чем на вопрос о возможности строгих определений слов. Ибо это вопрос попросту о том, можем ли мы каждое особенное свое представление обозначить отдельным знаком. И ответ тут очевиден: разумеется, можем. Поскольку это зависит не от каких-то внешних, не подчиняющихся нам обстоятельств, а исключительно от нас самих – от нашей доброй воли и желания.

д) Необходимость строгости терминов

Таким образом, при желании любой термин может быть сделан строгим. Однако не все, что можно, обязательно нужно. Поэтому есть резон еще раз подробно остановиться на вопросе о движущих

¹³ Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2, 1986. – С. 61.

нами в данной области мотивах. В связи с чем логика выдвигает требования определенности и однозначности терминов?¹⁴

Начну с однозначности – как более простого. Она необходима затем, что многозначность слов мешает успешной коммуникации. При использовании таких слов собеседникам, чтобы понять друг друга, приходится прибегать к дополнительным (и подчас немалым) усилиям. Тут лишь контекст подсказывает (в той или иной степени), что именно имеет в виду говорящий, произнося конкретное многозначное слово, какое его значение подразумевает в каждом особом случае. И никто при этом не застрахован от ошибок. Слова с одним значением не создают таких проблем. Их употребление гарантирует от возможного неверного понимания собеседника (или автора письменного текста). Так что логическое требование однозначности преследует цель, по меньшей мере, облегченного, а по большей – гарантированного взаимопонимания.

При этом стоит отметить, что, затрудняя коммуникацию и провоцируя ошибки понимания чужой речи, многозначность терминов тем не менее не препятствует собственному мышлению конкретного человека. Всякий говорящий или пишущий, разумеется, отдает себе отчет в том, какие значения он придает тем или иным многозначным словам. Его могут неправильно понять только со стороны, но сам он всегда понимает, что говорит или пишет (понимает, конечно, не вообще, а лишь касательно значений употребляемых им многозначных слов). И то же самое характерно для «внутренней речи» личности, для мышления. Мысля и нередко по форме оперируя при этом словами, мы на деле всегда непосредственно оперируем именно их содержаниями, значениями, то есть стоящими за словами представлениями¹⁵. И если последние определены, то проблем нет. В мышлении, являющемся личностным, внутренним, а не коммуникативным процессом, не может быть ошибки *взаимопонимания*. Свои собственные мысли мы всегда понимаем правильно – даже когда для их выражения пользуемся многозначными словами. Нам не нужно пояснять себе, какие значения мы придаем последним в каждом конкретном случае.

¹⁴ Как пишет Больцано, «каждый знак должен воспроизводить в душе читателя вполне определенное и единственное представление» (Больцано, Б. Учение о науке. – С. 451).

¹⁵ «Внутренняя речь есть в значительной мере мышление чистыми значениями» (Вьготский, Л. С. Психология. – С. 503).

Куда сложнее обстоит дело при неопределенности значений слов. Если однозначность терминов желательна, но связанные с нею помехи препятствуют лишь коммуникации, то неопределенность значений слов мешает напрямую мышлению. Причем под неопределенностью я, естественно, понимаю здесь не отсутствие определений слов, а отсутствие именно определенностей их значений, то есть толкую о неопределенности тех представлений, которые за ними стоят. Отсутствие определений слов – не отсутствие определенностей их значений¹⁶. Ситуация, при которой слова не имеют строгих определений, описывающих обозначаемые ими представления, достаточно распространена. Наличие указанных описаний (приводимых в толковых словарях) совсем не требуется для наличия определенности значений слов. Ведь тут первично наличие четкого представления. Если есть такое представление, то и значение именуемого его слова на деле определено. Мы легко понимаем это слово, связывая его с данным представлением. Строгое определение термина, то есть точное описание стоящего за ним представления, при этом, повторяю, является уже делом техники и даже не всегда обязательно¹⁷.

Так что надо отличать отсутствие формального определения термина от отсутствия реального понимания его значения, то есть от отсутствия определенности стоящего за всем этим представлением. Проблемы для мышления создает лишь неопределенность этого представления (и сводящегося к нему значения слова), а не то, что мы не удосужились описать оное, дав тем самым определение слова. Повторяю, мы мыслим на деле вовсе не словами (и уж тем более не их определениями – описаниями значений), а непосредст-

¹⁶ Недоучетом этого обстоятельства и обусловлены, в основном, вышеупомянутые затруднения К. Поппера, разбор которых я оставил за рамками данной статьи.

¹⁷ Кстати, отмеченное различие определения термина и определенности его значения (то есть стоящего за ним представления) выражается еще и в том, что даже в тех случаях, когда дать четкое определение слова крайне трудно (ввиду, например, исключительной сложности требующего описания представления), это еще не значит, что значение его нам не ясно. Трудность выработки определений слов зависит не только и не столько от степени определенности представлений, знаками которых эти слова являются (напрямую от степени определенности зависит не трудность, а возможность указанной выработки), сколько от характера самих представлений: иные из них описать проще, а иные – сложнее. Скажем, представления, выраженные образами, хотя бы и вполне отчетливыми, труднее передаются словами, чем абстракции, при том, что все определения вербальны.

венно их значениями, то бишь имеющимися у нас в головах представлениями (как бы они ни были отвлеченны). Вот и получается, что если мы имеем четкие представления, но не выработали строгих определений обозначающих их слов, то это может сказаться лишь на эффективности нашей коммуникации, но не мышления. Если же у нас отсутствует определенность самих представлений, то и наше мышление тоже оказывается неопределенным. Опиерирующий такими представлениями (и соответственно словами с неопределенными значениями) человек, по сути, не знает толком, о чем он мыслит. Со всеми вытекающими отсюда последствиями по части результатов такого мышления.

К этому полезно добавить, что фантастические и идеализированные представления не могут быть неопределенными сами по себе, ибо здесь достижение определенности – дело нашей доброй воли. Объективная неопределенность – участь представлений, имеющих денотаты. Но в чем она конкретно выражается? В том, что мы не отличаем представляемый объект от некоторых других объектов (именно только от некоторых, а не от всех вообще: иначе бы мы имели дело с абсолютной неопределенностью, с полным отсутствием представления), которые на деле отличны от него. Представления обо всех данных объектах при этом сливаются у нас в головах в некое «монолитное (при всей своей туманности) единство». И когда мы мыслим о чем-либо, пользуясь этим совокупным представлением или имея его самое своим предметом, то мы оперируем де-факто целым набором разнообразных представлений. «Денотату» такого неопределенного представления приписываются свойства многих различных объектов. Неопределенность тут есть фактическая многоденотатность. При том, конечно, что сами мы убеждены, что «на руках» у нас представление лишь об одном объекте.

Одновременно и значения слов, обозначающих такие представления, столь же неопределенны, и определения этих слов не могут быть строгими, что создает дополнительные трудности не только для мышления, но и для коммуникации. Применение слов, имеющих неопределенные значения, затрудняет взаимопонимание еще больше, чем осознаваемая их многозначность. Во втором случае хотя термин и один, но разные его значения все-таки четко прописаны. В первом же – сливаются сами значения. Налицо та же мно-

гозначность, но уже осознаваемая как однозначность, отчего не помогает и контекст. Поскольку по нему не о чем догадываться, а точнее, поскольку по нему никто и не пытается о чем-либо догадаться, ибо все уверены, что, употребляя данное слово, говорят всегда об одном и том же.

Таким образом, неопределенность значения термина – это его неосознаваемые, во-первых, многоденотатность, а во-вторых, многозначность. Если мы знаем, что некое слово имеет несколько значений, то мы не затрудняемся с его пониманием в конкретных контекстах, а также в собственном мышлении. Однако когда мы не дифференцируем разные значения (то есть денотаты) какого-либо реально многозначного термина, то неизбежна путаница как при его восприятии в чужой речи, так и при его использовании в собственном размышлении. Поэтому определенность значений слов необходима: без нее невозможно правильное и результативное мышление.

Применим теперь эти общие соображения к частному случаю рассуждений о смысле истории.

2. ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ИСТОРИИ

а) Алгоритм решения проблемы: иерархия вопросов

Как сказано, решение проблемы смысла истории логически правильно начать с задания значений терминов «смысл» и «история». При этом, прежде всего, обращаю внимание читателя на то, что выяснение данных значений представляет собой поиск ответов на вопросы «Что такое смысл?» и «Что есть история?», а не на вопрос «Каков смысл истории, в чем он заключается?», которым с ходу привыкли задаваться практически все авторы сочинений на заданную тему. Но как можно выяснять, *каково* из себя некое нечто, не выяснив прежде, о чем конкретно идет речь, *что есть* это нечто? Бессмысленно, например, задаваться вопросом о цвете розы, если вообще не знаешь, что такое цвет (или сама роза), и отождествляешь его то с запахом, то с формой. Так что вопрос «Что есть X?» при решении любой проблемы является первичным. Лишь разобравшись с ним, то есть в нашем случае лишь задав некие определенные значения терминов «смысл» и «история», можно двигаться дальше.

Однако опять-таки еще не напрямую к вопросу о том, каков смысл истории. Ведь придание конкретных значений словам «смысл» и «история» может привести и к тому, что они окажутся несочетаемыми и, тем самым, выражение «смысл истории» не будет обладать никаким значением. (Это, как件нятно, проблема его логической истинности.)

Такое вполне может случиться, если, например, словом «история» мы обозначим объект одного класса, а словом «смысл» – атрибут¹⁸ объектов других классов. Так, дерево не может бегать, а округлость – быть свойством квадрата, отчего словосочетания «бегущая береза» и «круглый квадрат» первое – бессмысленно, а второе – вообще абсурдно. Так можно ли заранее с уверенностью утверждать, что то же самое мы не имеем и в выражении «смысл истории»? В основе нашего понимания чего-либо, увы, лежит привычка, отчего все, к чему мы привыкли, обычно кажется нам понятным. Вот и выражение «смысл истории», издавна используемое, никак не режет наш слух. Но кто знает, как все обернется, если мы дадим себе труд вдуматься в составляющие его слова, поразмыслить над их значениями?

Так что вторым этапом решения проблемы смысла истории должно выступать прояснение вопроса о том, есть ли у выражения «смысл истории» значение (в случае положительного ответа на который, впрочем, здесь сразу же окажется установленной и конкретика этого значения. Ведь нельзя узнать, есть ли у какого-либо словосочетания значение, не поняв вместе с тем и его содержания).

Но, и установив, что выражение «смысл истории» имеет некое значение, мы все равно еще не вправе будем (уж теперь-то!) перейти к вопросу о сущности этого смысла. Ибо обладание значением (выражающееся в присутствии в наших головах соответствующего представления) еще не гарантирует наличия у слова или словосочетания денотата. Тут в повестку дня встает уже проблема не логической, а практической истинности. Напомню, что слово «кентавр» и

¹⁸ Легко заметить, что слово «смысл» обозначает нечто такое, что не имеет самостоятельного существования, а является лишь принадлежностью самостоятельно сущего. Сами по себе существуют вещи, происходят события и т. п., но смысла самого по себе не бывает. Он всегда обнаруживается в чем-то, приписывается чему-то. «Смысл в нашем понимании есть всегда смысл *чего-то* и для *кого-то*» (Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – С. 83).

«расшифровывающее» его выражение «получеловек-полулошадь» имеют значение. Однако кентавров тем не менее не существует. Отчего браться выяснять их цвет, запах и пр. (да еще и спорить по сему поводу) – пустое занятие. Здесь мы в состоянии нафантазировать себе все, что ни пожелаем, тогда как реальные объекты имеют (или не имеют) не менее реальные атрибуты, с которыми так не посвоевольничаешь. Отсюда следующим пунктом перед нами выдвигается вопрос: «Есть ли у истории смысл?» Или: «Имеет ли выражение "смысл истории" (при заданном исходными значениями слов "смысл" и "история" его значения) денотат, обозначает ли оно реальный объект?»

И тогда, когда мы и на этот вопрос ответим положительно, на очередь у нас встанет, наконец, вопрос и о сущности указанного смысла (при том, что отрицательный ответ снимет проблему вообще).

б) Мое понимание термина «смысл»

Итак, нам следует начать с выяснения значения термина «смысл». Прежде всего, подчеркну, что русское слово «смысл» – однокоренное со словом «мысль», «русское "смысл" означает "с мыслью"»¹⁹. Обладать смыслом – значит быть как-то связанным с мыслью (денотатом слова «мысль»), быть оплодотворенным мыслью, или, более общо, быть каким-то образом осмысленным. Каким именно образом?

Отвечая на этот вопрос, отличим для начала выражение «быть осмыслеНным» от выражения «быть осмыслеНЫм»: первое означает «заключать мысль в себе», а второе – «подвергнуться внешнему осмыслению, то есть быть познанным и понятым». Какому из этих выражений (и пониманий) следует отдать предпочтение? Мне кажется очевидным, что первому.

Смыслом явно обладает не то, что просто познано и/или понято нами, а лишь то, что осмысленно *само по себе*, так сказать, внутренне, содержательно, имея мысль в качестве некоего своего основания или стержня. О собственно смысле чего-либо резонно говорить только в том случае, когда объект освоен мыслью не внешним (познавательным), а внутренним (конструктивным) образом, когда

¹⁹ Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 8.

он заключает некую мысль в самом себе как свое конституирующее (организующее) начало.

Обладать смыслом – значит быть организованным мыслью; смысл объекта и есть, по сути, содержание данной организующей его мысли. Таково, на мой взгляд, адекватное значение рассматриваемого термина.

В этом плане смыслом обладают (способны обладать) только три феномена: 1) непосредственно сами наши мысли, 2) наши суждения (фрагменты устной и письменной речи) как выражение мыслей (если они их действительно выражают, а не являются бессмысленными наборами слов, то есть псевдосуждениями) и 3) наши действия (конечно, тоже не все подряд, а лишь те, которые направляются мыслями, разумом, или, другими словами, преследующие некие осознанные цели²⁰). Смысл имеют (конституированы мыслью, в том числе и непосредственно будучи ею) только «внутренняя» и «внешняя» речь человека (и именно в этих областях в основном укореняют понятие «смысл» логика и лингвистика), а также человеческие поступки²¹ (о смысле которых больше предпочитают говорить психологи). Только относительно них правомерно также и использование понятия «бессмыслица»: во всех прочих случаях нельзя говорить ни о наличии, ни об отсутствии смысла феноменов, как нелепо говорить об отсутствии цвета у запаха.

в) Дефиниции СРЯ (Словарь русского языка)

Указанные значения (области применения) слова «смысл» отмечает и «Словарь русского языка» (правда, приводя еще и устаревшее его значение, в котором оно означает «разум»: в выражении «здравый смысл» и т. п.). Авторы СРЯ определяют смысл как: 1) «внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, пости-

²⁰ Отмечу, что вопрос о смысле таких действий есть вопрос «Зачем (для чего)?», ответ на который представляет собой целевое объяснение этих действий. Тогда как вопрос о смысле мысли или суждения есть вопрос об их содержании – каково оно? о чем эта мысль (суждение)? что она (оно) есть такое? Тут взамен объяснения имеет место выяснение определенностей данных особых объектов. Ибо определенности мыслей и суждений как раз и сводятся к их содержаниям, суть их смыслы.

²¹ Термином «поступок» психологи именуют особое человеческое действие – имеющее двоякую мотивацию. Однако я здесь использую его как простой синоним выражения «рациональное действие» или «человеческое действие» (ведь подлинно человеческими действиями делает лишь их разумность: не оплодотворенные сознанием, действия человека суть действия животные по своему характеру).

гаемое разумом» и 2) «разумное основание, назначение, цель» (а также: «достаточное основание, разумная причина, резон») ²². Однако эти дефиниции не совсем четки (что естественно для «Словаря», обобщающего практику бытовой речи, пренебрегающей научной строгостью) и требуют комментариев и уточнений – в особенности в связи с примерами, которыми они подкрепляются.

Так, к первому значению СРЯ приводит примеры выражений: «Смысл статьи. Смысл событий. Смысл слова» ²³. Однако если смысл статьи – это действительно выражаемая ею мысль, то «внутреннее логическое содержание» событий напрямую связано с их целью. В отличие от смысла статьи, смысл ее *написания* (как действия, поступка) задается целью этого написания. Нецелевой внутренней логики у событий быть не может. (Если не смешивать логическое содержание с детерминистической причинностью.) Так что данное выражение («смысл событий») уместнее было бы привести в пояснение второго значения.

Возражения вызывает и выражение «смысл слова», хотя авторы «Словаря» и следуют в нем языковой практике, учитывая выражения типа: «в буквальном смысле слова», «в широком смысле слова» и т. п. Однако, по сути, слово «смысл» выступает тут синонимом слова «значение». Увы, «отождествление значения и смысла и сегодня еще отнюдь не стало достоянием истории» ²⁴. «В лингвистике "смысл" и "значение" обычно используются как синонимы» ²⁵. Отнюдь не случайно для СРЯ само приведенное выше определение: «Смысл – это значение чего-либо, постигаемое разумом». Разумеется, коли «смысл» и есть «значение чего-либо», то значение такого «чего-либо», как слово, тоже есть смысл. Между тем, на мой взгляд, в строгом (а не бытовом и литературном) значении указанных терминов значениями обладают только слова, а смыслами – только предложения (фразы, суждения). Мысль передается не одиночным словом или отдельно взятым конкретным представлением, а лишь их совокупностями. Значение слова (стоящее за ним представление) – это не мысль (мышление есть оперирование представ-

²² Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4, 1988. – С. 160.

²³ Там же.

²⁴ Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 9.

²⁵ Кронгауз, М. А. Семантика. – М.: РГГУ, 2001. – С. 36.

лениями, мысль есть внутренне связанная система представлений). При всем при том, что вербально выраженное определение значения слова (описание стоящего за ним представления) тоже является предложением, смысл которого – мысль, поясняющая значение слова. Но само это значение – не мысль и не смысл слова. Его значение – это представление, которое «вспыхивает» у нас в головах при восприятии слова. А мысль – совокупность определенным образом связанных между собой представлений, которая вовне, вербально, выражается в форме предложения (высказывания). И эта передаваемая предложением мысль, ее конкретность, и есть его (предложения) смысл (в том числе и тогда, когда данным предложением описывается содержание какого-либо представления)²⁶.

Далее, смущает выражение «постигаемое разумом» – не своей ошибочностью, а излишней широтой, возможностью неверного истолкования. Постигаемым разумом (как это будет показано ниже) является все подряд, что может быть познано и объяснено. Само собой, что и смысл, логическое содержание предложений, а также значения слов тоже постигаются разумом. Но им же постигаются и определенности объектов, и причины событий совсем не целевого толка. Поэтому при строгом научном определении термина «смысл» правильнее сказать не «постигаемое», а «сообщаемое», «организуемое разумом (мыслью)». Подчеркнув роль разума (мысли) не просто в обнаружении и постижении (познании и объяснении) «чего-либо», но в самом его конституировании (конструировании).

Аналогично неточны выражения «разумное основание», «достаточное основание» и «разумная причина», а также слова «назначение» и «резон» из второй дефиниции Словаря. Поскольку тут не уточняется, о разумном (достаточном) основании, причине, резоне и назначении *чего* идет речь. Тогда как конкретика данного *«чего»* (то есть задаваемый ею контекст) определяет значения указанных

²⁶ Впрочем, вопрос о различении значений терминов «значение» и «смысл» (в той части, в которой они касаются артефактов языка, речи и мышления) требует особого обсуждения. Здесь я затрагиваю его лишь вскользь и грубо, опираясь на одну только русскую этимологию слов, то есть на то, что слово «значение» имеет один корень со словом «знак» (который в речи, тексте и мышлении и является, прежде всего, словом), а слово «смысл» производно от слова «мысль» (которая, будучи выраженной вовне, по форме всегда есть совокупность знаков-слов, а по содержанию – совокупность их значений).

многозначных слов и выражений. Разумное (или достаточное) основание умозаключения, например, это вовсе не его смысл, а его посылки. Равным образом не является смыслом назначение, то есть роль, функция части в целом. Лишь разумное основание и назначение (под коими понимается цель) *поступка* определяют его смысл.

Кроме того, подчеркиваю, что указанные эквивалентные цели, разумное основание, назначение и т. д., равно как и сама цель поступка, вовсе не являются собственно его смыслом. Они лишь сообщают ему осмысленность извне. Смысл поступка – не его цель или предназначение (как явствует из приведенного определения), а его отношение к цели, мыслимое соответствие ей, его осмысленность в качестве средства достижения цели. Цель сама по себе (как мысль о желаемом) не имеет смысла (помимо, естественно, собственной ее определенности в качестве мысли), и действие человека само по себе не имеет смысла. Смысл возникает у второго в его отношении к первой. При этом мысль, задающая определенность поступка, – это не мысль непосредственно о цели, а мысль о способе ее достижения, о том, что требуется сделать в данных условиях для ее достижения. Именно эта мысль конкретно организует действие, делая его целеустремленным, направленным на достижение цели и, тем самым, обладающим смыслом²⁷.

Таким образом, резюмирую: смысл имеется лишь там, где налицо имманентная осмысленность²⁸, то бишь конституированность, «сконструированность» объекта мыслью. Смыслом обладают наши мысли (и здесь смыслом именуется их содержание); смысл могут иметь суждения (фразы, тексты) (и здесь он есть мысль, передаваемая суждением). Наконец, смысл могут иметь также события, а точнее, наши поступки, выступающие средством достижения какой-то цели (здесь смысл задается этой целью, в этих поступках заключена некая рациональность, они организуются мыслью, алгоритмизирующей достижение цели). Всякий же раз, когда мы говорим о смысле (или бессмысленности) чего-либо иного, чем наши мысли, фразы и поступки, а также когда мы понимаем смысл не

²⁷ Отождествление смысла поступка непосредственно с его целью допускают не только авторы СРЯ: оно вообще весьма популярно: «"Смыслом" мы называем цель», – пишет, например, также З. Фрейд (цит. по: Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 29).

²⁸ Далее я буду именовать такое понимание слова «смысл» имманентным.

как внутренний стержень объекта (например, того же суждения или поступка), не как содержание мысли, выраженной в нем, а лишь как внешнее его осмысление нами, мы просто-напросто подменяем указанное правильное значение термина «смысл» каким-то иным значением.

г) Значение термина «история»

Теперь обратимся к значению термина «история». Этот термин также многозначен. Историей мы называем как упорядоченную хронологически совокупность реальных свершившихся событий, относящихся к бытию объекта, об истории которого идет речь, так и дисциплину, изучающую этот поток минувших событий. Нам, как понятно, последнее значение термина «история» можно отбросить. Рассуждая о смысле истории, мы явно имеем в виду не смысл науки «история», не содержание составляющего эту дисциплину корпуса знаний и даже не цель занятий ею. Нас интересует реальная история.²⁹

Однако и выражение «реальная история» имеет различные содержания. Правда, уже не полисемического свойства, а по объему, области применения, широте охватываемых событий. При этом конкретное значение выражения «эта реальная история» сообщается ему характером объекта, история которого нас интересует. Ведь совокупностью событий является и история всего мира, и история нашей Вселенной, и история Солнечной системы, и история планеты Земля, и, наконец, история человечества. В связи с чем встает вопрос: историю чего мы имеем в виду, говоря о смысле истории?

В принципе (исходя из предложенного толкования значения термина «смысл»), тут возможны только два варианта. Речь идет либо об истории Всего Мира в целом, либо об истории человечества. Это обусловлено тем, что история суть события (а не мысли и

²⁹ Любопытно, что К. Поппер, в рамках своей концепции невозможности строгого определения слов отказавшийся от прояснения «смысла самого понятия "смысл"» (Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 311), тем не менее делает тут исключение для термина «история», при этом принимая за его денотат не реальный исторический процесс, а именно наши знания об оном (там же. – С. 311–312). Отсюда следует то, что история, по Попперу, не имеет смысла лишь потому, что наши исторические познания принципиально несовершенны, что «реальная история не может быть написана» (там же. – С. 312). Смыслом истории Поппер фактически именуется полнота и адекватность содержания истории как науки.

суждения), а из числа событий, как установлено, смыслом могут обладать только поступки. О смысле всех прочих событий, не являющихся чьими-либо поступками (осознанными действиями субъектов), говорить нельзя, ибо тут нет целеполагания и целей, средствами достижения которых являлись бы данные события. Но поступки реально обнаруживаются только в истории человечества³⁰. На что и опирается мнение о ее осмысленности.

Что касается всех прочих конкретных историй, как-то: история Земли, Вселенной и др., то составляющие их события не могут быть эмпирически идентифицированы в качестве поступков, то есть признаны действиями неких существ (Существа), добивающихся посредством них достижения своих целей. Записать их в таковые можно лишь произвольно. Но при этом необходимо все-таки быть логичным, соблюдая хоть какую-то последовательность. Нельзя, признавая чьими-то поступками события, например, истории Солнечной системы, отказывать в этом событиям истории, скажем, системы Альфа Центавра или Галактики, Метагалактики и т. д. и т. п. Ведь как для указанного признания, так и для отказа в нем во всех этих случаях нет никаких оснований, а если они тут как-то (спекулятивно) и могут быть выдвинуты, то только как всеобщие, как основания смысла истории Мира вообще, а не как относящиеся только к истории какого-то его фрагмента, взятого отдельно. Отсюда, те, кто обосновывает гипотезу осмысленности истории чего-либо еще, помимо и сверх истории человечества, вынуждены, минуя все промежуточные инстанции, сразу выходить на уровень истории Мира в целом, представляя все составляющие ее события поступками некоего Сверхсущества, направленными на достижение какой-то Его Суперцели.

Но последняя версия, как понятно, разделяется далеко не всеми, ибо наличие такого Сверхсущества никем не доказано и, в

³⁰ Правда, в ней равным образом присутствуют (и существенно определяют ее ход) не только поступки людей, но и их нецеленаправленные (нерациональные, инстинктивные, спонтанные и пр.) действия, а также чисто природные события – различные катаклизмы, эпидемии, демографические взрывы и т. д. Эти события явно не могут иметь какого-либо очеловеченного смысла. Но данное обстоятельство те, кто ищет смысл человеческой истории, обычно игнорируют, принимая во внимание только то, что значительная масса составляющих историю человечества событий суть поступки.

принципе, доказано быть не может. Соответственно реалистически мыслящие философы обычно ограничиваются в своих исканиях смысла истории лишь таким пониманием этой истории, при котором она сводится к истории человечества. Так буду понимать здесь значение данного термина и я.

д) Значение выражения «смысл истории»

Выяснив значения слов «смысл» и «история», можно, наконец, попытаться понять и значение выражения «смысл истории». Естественно, что это значение должно образоваться где-то на пересечении значений указанных слов³¹. Где же они пересекаются?

Тут, для начала, сразу отпадают первые два значения (области применения) слова «смысл», согласно которым оно обозначает содержание (определенность, сущность, суть) «внутренней речи» (мысли) и мысль, передаваемую фразой (содержание суждения). Ведь, как сказано, история человечества, о смысле которой мы толкуем, – это не история как научная дисциплина, не свод знаний о событиях реальной истории, изложенный в книгах в виде суждений и текстов. Мы игнорируем историю как науку: нам интересна история человечества как совокупность реальных событий. Относительно же нее применимо лишь третье значение термина «смысл». Смысл тут может быть только таким, какой бывает у событий-

³¹ Подчеркну, что, выясняя значения слов «смысл» и «история», я не просто анализировал язык (подобно лингвисту), а обращался к реально встречающимся в Мире феноменам. В частности, целеполагание и обуславливаемая им рациональная организованность действий людей – это все вполне реальные процессы и явления. Приложение к ним термина «смысл», то бишь определение его значения, – вовсе не момент анализа языка. Отправной точкой тут является не сам язык, а реальность. Это в ней я выбрал тот «фрагмент», по поводу которого заявил: «Вот это вот я именую словом "смысл"». С выражением «смысл истории» дело обстоит сложнее. Здесь мы исходно отталкиваемся уже не от объекта, который непосредственно наблюдаем и который нам надо как-то назвать. Мы формируем данное выражение «механически» (именно по правилам языка), соединяя два слова: «смысл» и «история», – отчего на пересечении их значений (повторяю, заданных практически) получаем некое сложное, комплексное значение. Операция такого состыкования значений данных двух слов – уже не реальная, а чисто языковая операция. Отчего здесь и нет гарантии, что получившееся выражение непременно будет иметь, во-первых, осмысленное значение, а во-вторых (в случае наличия последнего), денотат (окажется обозначением некоего реального «фрагмента» действительности).

поступков, то есть задаваемый целью³². Каким же обязан быть характер этой цели?

Так, прежде всего, можно ли принять за нее цели или даже всю совокупность целей составлявших и составляющих человечество отдельных индивидов? На мой взгляд, безусловно, нет. Поведение людей, конечно, во многом рационально и преследует некие цели. Более того, указанные цели у подавляющего большинства людей даже практически одинаковы – в той же мере, в какой одинаковы и сами люди с их потребностями в выживании, процветании и т. п. Все мы хотим преимущественно одного и того же, то есть имеем сходные цели, задающие смыслы нашим поступкам. Однако очевидно, что данные поступки тем не менее вовсе не представляют собою, тем самым, средств (промежуточных этапов) достижения какой-то Единой (не одинаковой, а именно единой для всех, достигаемой сообща) Цели. А именно таковой обязана быть Цель, задающая смысл истории человечества в целом. Наличие смыслов (целей) у множества конкретных действий людей никак не свидетельствует в пользу наличия у этой истории общего смысла (Цели).

Хуже того, даже если бы человечество объединилось и совместно выработало себе некую общую Цель, подчинив ее достижению действия всех составляющих его индивидов, это еще вовсе не придало бы истории смысл. Во-первых, потому что история – это не только то, что будет происходить лишь после указанного гипотетического объединения «одной Целью», а и все то, что происходило прежде, что уже произошло. Наличие эпохи разобщенного человечества, равноправно входящей в его историю, отрицает приписывание смысла (единой Цели) данной «истории в целом». Во-вторых же и в главных, для того чтобы совокупность всех исторических событий имела смысл, она должна быть не просто организована общей Целью объединенного человечества, а выступать средством достижения некой Суперцели, предустановленной ему извне, *свыше*. Это обуславливается самим соотношением цели и смысла. Ведь смысл имеют лишь средства достижения целей, но не

³² «Смысл вопрошания о смысле истории... заключается в постоянной, но неперiodической актуализации вопроса, который по-русски пишется и звучит "Зачем?"» и предполагает «некую целеустремленность, а значит, по общему разумению, целеполагание» (Баранец, С. Н. Указ. соч. – С. 39).

сами цели, и притом цели – это не средства, а нечто внешнее им. Говорить о смысле истории человечества – значит представлять эту историю средством достижения какой-то внешней ей (и ему) Суперцели. Цели, которые мы ставим себе сами, наполняют смыслом только те действия, которые мы предпринимает для их достижения, но не наше существование вообще. Последнее может иметь смысл, только выступая *средством* достижения какой-то внешней по отношению к себе Суперцели, а не имея эту Цель в самом себе и не находя (не порождая) ее в ходе своего исторического развертывания.

Не будем лукавить: задаваясь вопросом о смысле истории человечества, мы (при имманентном понимании термина «смысл») де-факто озадачены вовсе не выяснением целей, которые ставит или может со временем поставить себе единое человечество. Эти цели всегда тривиальны и заведомо очевидны: ведь раз цель ставится, то она тем самым уже осознана и сформулирована, отчего гадание по поводу ее характера просто нелепо. Поиск смысла истории как поиск Цели, придающей осмысленность всей совокупности составляющих эту историю событий, есть поиск неведомой нам Суперцели, то бишь вовсе не Цели, которую ставят себе сами люди, человечество. Последняя, по определению, не может быть неведомой, загадочной, искомой. На деле мы ищем смысл бытия человечества, его предназначение. Поиск смысла истории есть поиск осмысленности (и оправдания) нашего возникновения и существования. Появление у человечества в целом на каком-то этапе его эволюции единства и единой Цели абсолютно ничего в этом плане не дает. Смысл приобретают при этом лишь те или иные события истории, но не вся история вообще, а Целью человечества неизбежно оказывается лишь его выживание и благополучие. «Тогда ответ на вопрос о смысле истории превращается в банальность: смысл истории заключается в том, чтобы добиться от будущего того, чего мы от него хотим добиться»³³.

Таким образом, подлинный смысл истории человечества может быть задан только извне – через выставленную ему кем-то (а не им самим) Суперцель. Дабы все «поведение» человечества преврати-

³³ Баранец, С. Н. Указ соч. – С. 40.

лось в средство достижения этой Суперцели и тем самым обрело Высший Смысл. Выражение «смысл истории» своим единственным значением может иметь лишь представление о наличии у человечества некоего предназначения, о его использовании кем-то в качестве средства достижения некоей преследуемой этим кем-то Суперцели³⁴.

При этом, разумеется, законно возникает вопрос: а есть ли у данного представления денотат? Ответ на этот вопрос определяется уже тем, *кто* признается постановщиком указанной Суперцели. Что это за Сверхсущество? Если Бог, то тогда денотата у выражения «смысл истории» нет, ибо Бога нет безусловно (понятие «Бог», по определению, не может иметь денотата). Если какая-то внеземная цивилизация («зеленые человечки из НЛО»), то, в принципе, такое возможно, но крайне маловероятно (и вряд ли кого из искателей смысла истории удовлетворит). В связи с чем я лично предпочитаю придерживаться того мнения, что мы сами вершим свои судьбы и свою историю, отчего «в истории общества, как и в истории природы, нет ни смысла, ни назначения, ни цели»³⁵.

3. ИНЫЕ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНА «СМЫСЛ» И ВЫРАЖЕНИЯ «СМЫСЛ ИСТОРИИ»

Как видно, из заданных выше значений терминов «смысл» и «история» следует, что смысла у истории нет, или, другими словами, что выражение «смысл истории», хотя и имеет некое значение, но не имеет денотата. Приведенное решение проблемы есть то, которое лично я считаю правильным – опирающимся на адекватное

³⁴ Отмечу, что такое понимание вопроса снимает вышеупомянутую проблему отнесенности к истории человечества природных событий и нерациональных (не преследующих никаких целей) человеческих действий. Все они тут тоже оказываются «поступками» достигающего своей Суперцели Суперсущества. Однако взамен тому в данной версии возникает куда более неприятное затруднение. Предустановленная человечеству Суперцель отрицает свободу воли человека и даже, как это ни парадоксально, саму осмысленность его бытия. Ведь при таком понимании сути дела мы мыслимся марионетками, действия которых кто-то направляет, и сам смысл этих действий (истории человечества в целом) тоже оказывается вовсе *не нашим* смыслом, смыслом не для нас, а для того, кто использует нас в качестве средств достижения своей цели. Подталкивание в спину осмысленно лишь для тех, кто подталкивает, но не для самих подталкиваемых. Смысл нашей истории, чтобы стать *нашим* смыслом, не может быть задан *чужой* целью (притом, повторяю, Суперцель, способная задать смысл истории человечества в целом, обязана быть таковой).

³⁵ Семенов, Ю. И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 8.

понимание термина «смысл». Однако данный термин понимают и иначе, получая в итоге иные результаты как в отношении значения выражения «смысл истории», так и в отношении наличия у него денотата. Какие же другие значения придаются термину «смысл»?

а) Смысл как определенность

В рамках ответа на этот вопрос вернусь к проведенному мной выше различению внутренней осмысленности и внешнего осмысления, то есть собственной оплодотворенности объекта мыслью и его познания и понимания нами. Я связал обладание объектом смыслом с первым случаем, однако встречаются и авторы, связывающие сие со вторым, а точнее, попросту не различающие имманентной осмысленности и внешнего осмысления. Так, например, Н. И. Конрад в статье, носящей вроде бы недвусмысленное заглавие «О смысле истории», ставит перед собой на деле лишь задачу «как-то осмыслить происходящее»³⁶, «осмыслить ход исторической жизни человечества»³⁷.

При этом само это связывающее смысл объекта с простым его осмыслением понимание термина «смысл» тоже распадается на два варианта. Только если при имманентном понимании в основании «распада» лежат различия областей применения данного термина (в отношении суждений и в отношении поступков), то сторонники подхода «от осмысления» дифференцируются, отталкиваясь от двойственности процесса осмысления, то есть от того, что оно представлено, с одной стороны, как познание объекта, а с другой – как его понимание (объяснение).

Так, мы называем осмыслением чего-либо, для начала, простое осознание наличия этого «чего-либо» в качестве отдельного и/или особого фрагмента действительности. Далее, термином «осмысление» именуется последующее продвижение сознания от указанного первичного туманного впечатления о наличии какой-то обособленности к выяснению определенности оной, то есть к составлению четкого представления об обнаруженном. Быть осмысленным в данном втором значении для фрагмента реальности – значит быть

³⁶ Конрад, Н. И. Избранные труды. История. – М.: Наука, 1974. – С. 290.

³⁷ Там же. – С. 294.

познанным в качестве определенного объекта со всеми его отличительными чертами и самождественностью.

Естественно, эти два типа осмысления близкородственны и представляют собою просто последовательные этапы познания, отвечающего на вопросы: «Есть ли что-либо вообще?» и «Что конкретно представляет собой обнаруженное нечто (какова его определенность)?» Такое осмысление-познание есть не что иное, как приобретение знаний об объектах (начиная со знания о самом их бытии, наличии), есть выработка определенных представлений о них. Отсюда и связываемое с таким осмыслением слово «смысл» на деле используется как синоним слов «сущность», «определенность» и т. п., а точнее, взамен этих слов (ибо тут, конечно, нет полной синонимии: никто обратным образом не употребляет слово «определенность» взамен слова «смысл»). Многие предпочитают говорить в данном случае не об определенности, а именно о смысле объекта, отождествляя значение слова «смысл» со значением слова «определенность» (во всех его многочисленных модификациях). Это характерно и для обыденной речи: «уловить смысл происходящего» – для нас обычно значит вовсе не «осознать его осмысленность», а попросту понять, что конкретно происходит, каково содержание ситуации. Это присуще и языку философов.

Так, например, М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» исходно задается вопросом «что мы, собственно, имеем в виду под словом "сущее"», тут же трактует его как «вопрос о смысле бытия»³⁸ и далее выясняет именно не что иное, как *что* есть бытие, какова его определенность (сущность). То же значение придает слову «смысл» и Ж.-П. Сартр, когда пишет о «смысле бытия сущего»³⁹ или о попытках «проникнуть в глубокий смысл отношений "человек – мир"»⁴⁰. В обоих этих случаях смысл понимается им как определенность, сущность (для бытия), глубинный характер, содержание (для отношений).

Впрочем, дело у упомянутых мыслителей не сводится лишь к рецидиву бытового понимания слова. Для Хайдеггера и Сартра, представляющих лагерь феноменологии и экзистенциализма, отождест-

³⁸ Хайдеггер, М. Бытие и время. – Харьков: «Фолио», 2003. – С. 16.

³⁹ Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – С. 36.

⁴⁰ Там же. – С. 43.

вление смысла с определенностью, пожалуй, не случайно. Ведь установкой данных школ является постижение Мира путем анализа содержаний (интенций) сознания Эго. А в этом сознании никаких денотатов с их собственными определенностями, разумеется, нет. Тут налицо только некие представления и мысли, анализ которых дает постижение их содержаний, то бишь смыслов. Что есть значение слова «бытие» (или «сущее»)? Буквально – это представление о бытии (или сущем), имеющееся в нашем сознании. И определенность этого значения есть не что иное, как определенность, то есть содержание, смысл данного представления. Для представления (а также для мысли и суждения) его определенность тождественна его содержанию, или смыслу. Это все тут одно и то же. Когда мы говорим о представлениях, мыслях и суждениях, то слова «содержание», «определенность» и «смысл» оказываются синонимами. Смысл фразы есть ее содержание. Определенность мысли есть ее смысл⁴¹. И так далее.

Однако данные слова перестают быть синонимами, когда они прилагаются не к суждениям, мыслям и представлениям, а к их денотатам. Определенность представления об объекте – это его (представления) содержание, или смысл. Но определенность самого объекта – это не смысл, не содержание. Слова «смысл» и «содержание» здесь просто неуместны. Данный объект есть сам по себе, и его определенность есть сама по себе (как совокупность присущих ему отличительных признаков). Она никоим образом не является мыслью и не связана с мыслью. Называть эту определенность смыслом объекта неправильно. Хайдеггер и Сартр делают это, повторяю, по-видимому, лишь потому, что феноменологическая установка на познание внешнего Мира путем анализа внутреннего содержания сознания Эго вынуждает их отождествлять представления об объектах с самими объектами.

Кстати, от этой ошибки предостерегал еще Л. Витгенштейн, указывая, что «слово "значение" употребляется в противоречии с нормами языка, если им обозначают вещь, "соответствующую»

⁴¹ «Смысл – это и содержание (определенность. – А. Х.) сенсорно-перцептивного образа (восприятия. – А. Х.), и содержание вторичного образа представления, и, конечно, содержание мысли как конечного продукта мышления» (Агафонов, Ю. А. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Речь, 2003. – С. 88).

данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени»⁴². Именно это мы и имеем, когда смысл (содержание) мысли (знания) о чем-то объявляется смыслом самого этого «чего-то». Конечно, определенность реального объекта при ее осмыслении (познании) преобразуется в наших головах в определенность представления о нем, которое так же, как и смысл, некоторым образом связано с мыслью (хотя бы общностью «места жительства»). Но связанность представления о кошке с мыслью и даже явленность этого представления нам в виде мысли – не есть связанность с этой мыслью или явленность в виде мысли самой кошки. Кошка, как известно, гуляет сама по себе и прекрасно обходится без наших представлений и мыслей о ней. Связь представления об объекте с мыслью и даже бытие этого представления в качестве мысли, имеющей содержание и смысл, не есть связь с мыслью и смысл самого объекта.

Итак, определенность объектов – это не их смысл. Сведение познания смысла лишь к познанию определенности познаваемого неправомерно. В то же время, если использовать термин «смысл» взамен слова «определенность», то придется признать и то, что таким «смыслом» обладает все подряд, то есть не только интересующая нас здесь конкретно история или хотя бы соседствующая с ней в философских исканиях Высшего Смысла жизнь, но и, скажем, та же кошка, ветер, тетрадь, береза и далее «по списку». Короче, все, что обладает определенностью и представляет собой обособленный объект, способный породить в наших головах определенное представление. Так понимаемый «смысл» присущ абсолютно всему, что познается нами (причем, не только Всему как Миру в целом, а и всему с маленькой буквы, то есть всякому, любому объекту). Что касается истории человечества, например, познать ее смысл в данном случае означает попросту познать ее содержание.

б) Подвариант: смысл как «логика развития»

А что есть содержание истории человечества? При попытках ответить на этот вопрос обнаруживается двойственный характер ее определенности. С одной стороны, указанная история суть совокупность составляющих ее событий, и ее определенность есть кон-

⁴² Витгенштейн, Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003. – С. 249.

кретика этих событий. С другой же стороны, сии события не просто «свалены» в этой истории «в кучу»; их совокупность представляет собой не «сумму» случайных элементов, а некоторым образом упорядоченную систему, выстраивающуюся в особый процесс.

Невооруженным взглядом видно, что ход истории человечества представляет собой связную цепь, а не калейдоскоп беспорядочно сменяющих друг друга событий. И притом это процесс, характеризующийся определенной направленностью, выражающийся не просто в причинно-следственной и/или формально-хронологической связи исторических событий, а в последовательной смене состояний человечества. За тысячелетия своего существования оно прошло огромный путь от примитивных стадных коллективов до современного глобального Общества, то бишь развиваясь от простого к сложному, прогрессируя. Определенность этой тенденции и есть не что иное, как определенность исторического процесса, его характерная особенность и важный элемент содержания истории человечества – помимо и в дополнение к конкретике составляющих ее событий.

Эту сторону определенности истории и берут обычно на прицел философы, размышляющие о ее смысле (и отождествляющие этот смысл с определенностью). Ведь выявление другой ее содержательной стороны – конкретики составляющих ее событий, – во-первых, забота не философов, а историков, а во-вторых, никак не может быть принята за поиск смысла истории. Тогда как выявление направления исторического процесса («логики развития общества»⁴³), с одной стороны, «бесхозно» (ибо сами историки, в основном, не любят заниматься общей теорией исторического процесса), а с другой и главной – сильно смахивает на поиск не чего иного, как Цели истории. Ведь цель задает не только смысл направленных на ее достижение действий, но и именно *их направленность на нее*. Отчего весьма соблазнительно отождествить направленность (тенденцию) естественного развития с этой *целеустремленной* направленностью, понять первую как вторую – пусть не буквально, но хотя бы в их производных, то есть сочтя, что везде, где имеется направление, тем самым, имеется и смысл.

⁴³ Гобозов, И. А. Смысл и направленность исторического процесса. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 7.

Сторонником такого понимания проблемы выступает, например, уже цитировавшийся выше академик Конрад, ищущий смысл истории посредством осмысления исторического пути человечества и при этом интересующийся как раз не просто «содержанием этого пути», а «его направленностью»⁴⁴. По мнению данного ученого, «при всякой попытке осмыслить исторический процесс неизбежно встает вопрос: имеет ли этот процесс вообще какой-либо смысл, имеет ли он хотя бы какую-нибудь направленность?»⁴⁵. Из чего ясно видно, что Н. И. Конрад не только отождествляет поиск смысла с простым осмыслением истории, но и сам смысл – с направленностью исторического процесса, с его «непрерывным поступательным движением»⁴⁶. «Смысл истории» и «направление (вектор) истории» у данного автора суть одно и то же.

Похожее понимание термина «смысл» (применительно к его использованию в выражении «смысл истории») можно встретить и у И. А. Гобозова, для которого «вопросы смысла истории» также суть «одновременно вопросы социального прогресса»⁴⁷, а «постоянное совершенствование общественных отношений, всестороннее раскрытие творческих сил и способностей человека и есть подлинный смысл истории человечества»⁴⁸. Однако устремленность исторического процесса к достижению некоего более совершенного состояния человечества, на мой взгляд, вовсе не равнозначна осмысленности этого процесса, то есть обладанию им смыслом. Ведь эта тенденциозность обусловлена отнюдь не Целью, а вполне естественными обстоятельствами. Что подчеркивает и сам И. А. Гобозов, справедливо утверждая, что история «не имеет ни самоцели, ни цели, ибо представляет собой естественный закономерный и объективный процесс»⁴⁹. Впрочем, тут мы уже вступаем на территорию следующей версии понимания термина «смысл».

в) Смысл как закономерность

Помимо познания определенности, осмысление объекта, как сказано, включает в себя еще и его объяснение (понимание), то

⁴⁴ Конрад, Н. И. Избранные труды. История. – М.: Наука, 1974. – С. 293.

⁴⁵ Там же. – С. 297.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 132.

⁴⁸ Там же. – С. 198.

⁴⁹ Там же. – С. 17.

есть выяснение того, чем обусловлено его возникновение (появление) и существование в данном конкретном виде. При этом важно оговориться, что термин «обусловленность» носит общий (родовой) характер и охватывает собой два основных вида реальной обусловленности⁵⁰ – целевую и детерминистическую (связываемую нами главным образом с явлением объективной причинности). Объясняя поступки людей их целями, мы выявляем рациональность этих поступков, то есть их смыслы, тогда как, объясняя что-либо детерминистически, мы устанавливаем лишь неизбежность его происхождения или необходимость его бытия, но не смысл данного «что-либо». Если объяснения целью отвечают на вопрос «Зачем? (для чего?)» и представляют собою объяснения «сверху» (тут обусловливающее находится в будущем), то детерминистические объяснения отвечают на вопрос «Почему?» и являются объяснениями «снизу» (тут обусловливающее пребывает в прошлом). В последнем случае понимание событий, явлений, фактов и прочего достигается путем обнаружения обусловливающих их возникновения и бытие объективных факторов и закономерностей. Например, мы объясняем себе движение Земли по орбите вокруг Солнца как результат «действия» закономерности тяготения.

В то же время поскольку в обоих указанных случаях мы имеем обусловленность и объяснение, то неудивительно, что находятся авторы, не различающие разные их виды и отождествляющие смысл с опирающейся на закономерность неизбежностью (необходимостью), а то и принимающие смысл за саму закономерность⁵¹. В связи с чем слово «смысл» используется данными авторами вместо слова «закономерность». В этой версии поиск смысла истории связывается уже не с выявлением ее определенности. «Здесь важнее выявить законосообразность и закономерность в истории, поскольку для сторонника такого способа изысканий в области философского осмысления истории смысл фактически отождествляется с закономерностью. Выявлена закономерность – значит выявлен смысл»⁵².

⁵⁰ Есть еще и логическая обусловленность выводов посылками.

⁵¹ Таких взглядов придерживались, например: В. А. Дьяков, Н. Ирибаджаков (частично) и Э. Калло (см.: Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 16, 17 и 164).

⁵² Баранец, С. Н. Указ. соч. – С. 38.

Однако повторяю: если целевые объяснения реально связаны с выяснением смыслов объясняемых поступков, то детерминистические объяснения не имеют к сему никакого касательства: в них обнаруживаются лишь обуславливающие события естественные причины и закономерности, а не смыслы. Объяснить что-либо «снизу», то есть указать на «порождающую» это «что-либо» закономерность, «действующую» в конкретной ситуации, не значит обнаружить его смысл. «Научному пониманию мира в категории причинности открывается в мире только закономерность и необходимость, но не открывается в мире разум, смысл. В закономерном ходе природы по видимости нет разума и смысла»⁵³.

Помимо неразличения двух типов реальной обусловленности (и объяснения), отождествление смысла и закономерности отчасти поощряется еще и тем, что иные детерминистические концепции истории носят финалистский характер и этим внешне похожи на целевые. Ведь любая цель, по определению, финальна: достижение ее есть завершение вдохновленной ею деятельности. Цель истории человечества обязана быть ее Конечной Целью. И вот эти две «конечности» – целевая и финалистских детерминистических концепций – принимаются за одно и то же. Финал осознается как Цель. А следом через эту трещину просачивается и идея смысла. Социологические учения, толкующие о закономерности хода истории человечества и о неизбежности достижения последним какого-то конечного состояния (скажем, стадии коммунизма), неправомерно истолковываются как якобы ищущие и находящие в истории некий смысл. Однако это именно лишь детерминистические учения и не более того. Их финализм совсем иного характера, чем финализм Конечной Цели. В связи с чем тут не может быть и речи о каком-то смысле истории.

К сказанному полезно присовокупить, что спутывание обнаружения смысла с детерминистическим объяснением, то есть целесообразности с законосообразностью, присуще не только философам, решающим проблему смысла истории. Ту же ошибку совершают и некоторые психологи. В частности, З. Фрейд, на деле объясняя поведение людей каузально, также полагал, что тем самым он вскры-

⁵³ Бердяев, Н. Судьба России // Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 80.

вает не что иное, как смысл этого поведения. «Психоанализ относится к классу теорий, – писал он, – пытающихся утверждать, что поведение имеет определенный смысл, который можно вывести из истории этого смысла в жизни личности»⁵⁴, то есть, иначе говоря, обнаруживая его причины в прошлом, а не цель в будущем; речь явно идет не о целевом, а о детерминистическом объяснении.

Кроме того, психоанализ распространяет «сферы смыслового объяснения на такие формы поведения, как фобии, аффективные реакции, сновидения, феномены забывания и т. п., которые раньше рассматривались как лишённые смысла»⁵⁵. Но ведь фобии, аффективные (равно как и рефлекторные) реакции и т. п. и в самом деле лишены смысла, ибо это не поступки, осознанно преследующие какие-то цели. Их, конечно, можно объяснить, но именно не целевым, а детерминистическим образом (какими-то событиями прошлой жизни субъекта, оставившими на его личности свой отпечаток и т. п.), и это объяснение вовсе не будет обнаружением их смысла. Если «смысл симптомов содержится именно в бессознательных (! – А. Х.) процессах, осознание которых приводит к исчезновению симптома»⁵⁶, то ясно, что словом «смысл» тут обозначается обычная причина (а точнее, основание, базис).

Вообще во всех тех случаях, когда речь идет о «смысле» бессознательных действий человека (а не поступков) или даже о тех или иных особенностях, содержательных моментах его психики (которые поступками уж тем более не являются), данным термином называется вовсе не смысл, а либо причина, либо определенность именуемого, имеет место либо детерминистическое объяснение, либо познание его. То есть не осмысленность, а осмысление.

Совершенно не случайно позднее «в философской системе Фрейда, стремившегося к формулированию закономерностей поведения на языке строгой науки, не нашлось места для понятия смысла, и даже сама задача раскрытия смыслов была отброшена»⁵⁷. И также симптоматично, что А. Адлер в дальнейшем зашел тут с другого конца, противопоставив психоаналитической каузальной системе детерминации финалистскую, то есть целевую.

⁵⁴ Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 28.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. – С. 29.

⁵⁷ Там же. – С. 28.

К этому остается только добавить, что при описанном спутывании целевой и детерминистической обусловленности и, далее, смысла и закономерности подобный «смысл» так же, как и в случае с определенностью, обнаруживается практически повсеместно. Ведь бытие закономерностей, причинно-следственных и прочих связей всего тоже тотально. Соответственно присущи они и истории человечества.

г) Смысл как функция и роль

За сближением обнаружения смысла с простым объяснением стоит не только отождествление осмысленности с осмыслением и целевой обусловленности с детерминистической, но и, как сказано, спутывание *целесообразности* с *законосообразностью*, то есть двух особых сообразностей. Однако этими двумя видами число встречающихся в мире разных *сообразностей*, конечно, не ограничивается. В связи с чем соответствие поступка цели спутывается иными авторами не только с соответствием происходящего законам, но и с таким типом сообразности, который уместно определить (если позволительно будет так выразиться) как *целосообразность*. То есть с приспособленностью, «подогнанностью» частей к их функционированию в целом, с их функциональностью.

Приспособленность частей к существованию в целом (например, селезенки к ее функции в организме) есть результат естественного процесса специализации частей (органов), однако эта приспособленность порою истолковывается как результат исполнения некоего заранее разработанного кем-то плана. Откуда в устройстве и специфическом функционировании («поведении») части (селезенки) усматривается некий смысл. Так, согласно Э. Шпрангеру, части организма находятся «в имманентных смысловых связях», «организм является полным смысла, поскольку все его собственные функции направлены на сохранение своего состояния в данных жизненных условиях и поскольку само это сохранение может рассматриваться как ценное (запомним эту дополнительную апелляцию к ценности: она нам еще пригодится. – А. Х.) для него»⁵⁸.

⁵⁸ Цит. по: Леонтьев, Д. А. Указ соч. – С. 23.

«Понятие органической целесообразности»⁵⁹ вообще общепринято в биологии. Хотя обозначается им феномен вовсе не целЕ-, а «целО-сообразности», то есть именно естественно развившейся приспособленности органов к их совместному бытию в организме (объяснение, каковой именно приспособленности, представляет собой ответ на вопрос «Почему?»).

В обобщенном же виде такое понимание распространяется и на другие случаи отношений систем и их элементов (не только вещественного типа), благодаря чему «смысл чего-либо» определяется уже как его «место и роль (назначение) в более общей структуре»⁶⁰. Так фактически понимает смысл, например, А. Ю. Агафонов, когда пишет об «эволюционном смысле человеческих форм отражения, о смысле возникновения сознания»⁶¹. Речь тут явно идет именно о роли, значении сознания для эволюции живой материи и о месте такого «события», как его возникновение, в истории этой эволюции.

Намек на подобное истолкование обнаруживается также в утверждении К. Ясперса о том, что «смысл нашей собственной жизни определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого, как мы обретаем в нем основы истории и ее цель»⁶².

О том же пишет и Н. И. Конрад, подчеркивающий, что «смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»⁶³, то есть как раз через их место в этой общей истории и значение (значимость) для нее.

⁵⁹ Солопов, Е. Ф. Концепции современного естествознания. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 125.

⁶⁰ Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 105.

⁶¹ Агафонов, Ю. А. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Речь, 2003. – С. 45.

⁶² Я рассматриваю здесь разные понимания термина «смысл» и смысла истории по-разному, раскладывая их по отдельным полочкам, однако в рассуждениях конкретных авторов перечисляемые мною версии, разумеется, нередко присутствуют не поодиночке, а группами, в тех или иных сочетаниях. Вот и Ясперс, говоря вроде бы (позиция данного философа крайне плохо выражена и неопределенна, отчего высказываться о ней приходится лишь в «гадательном наклонении». – А. Х.) о связи смысла с единством истории (и человечества), понимаемым как ее (или его) целостность, то есть некоторым образом интерпретируя смысл как роль, место, функциональное назначение, в то же время объявляет само это единство целью: «Единство – не фактическая данность, а цель» (Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 262) – и вообще толкует о необходимости какой-то наивысшей цели, единство которой-де «открыло бы нашему взору весь смысл истории» (там же. – С. 264).

⁶³ Конрад, Н. И. Избранные труды. История. – С. 296.

По сходному руслу движется мысль Н. С. Розова, предлагающего «в качестве начальной эвристической идеи» понять смысл «исторического события (череды событий, поступков и действий, процессов) как его место и роль в переходе охватывающей исторической ситуации из «начального» состояния в «конечное»... Смысл (части) истории определяется Н. С. Розовым «как ее роль в логике развития охватывающих систем»⁶⁴, а «абстрактный смысл всемирной истории» соответственно «как ее роль в развитии охватывающей системы»⁶⁵.

История человечества как определенная совокупность событий, конечно же, является элементом (может быть включена и реально входит в системы) ряда более обширных совокупностей событий: историй биоты, Земли, Солнечной системы и т. д. И само собой разумеется, что события истории человечества занимают свое место (сыграли свою роль) в этих более обширных историях, как-то отразились на них, явились значимыми для них. Но правильно ли эту значимость, эти место и роль нашей истории в «охватывающей ее исторической ситуации» считать ее (нашей истории) смыслом? Вопросы «Какую роль играет?», «Какое место занимает?» и «Какое значение имеет?» – это вопросы не собственно о смысле, а именно о роли, месте, значении. Мы опять обнаруживаем тут подстановку слова «смысл» взамен совсем иных слов.

д) Смысл как все, что хоть как-то связано с целью

Следующее использование данного термина не по его буквальному «назначению» проистекает из непонимания того, как конкретно смысл связан с целью. При этом само наличие какой-то связи между смыслом и целью улавливается, но вот как именно они связаны, остается неясным, отчего порождающей смысл признается любая связь с целью. Например, по Ж. Нюттену, «выявить связь чего-либо с преследуемой субъектом целью... – значит раскрыть его смысл»⁶⁶. Здесь не уточняется ни характер самого «чего-либо», ни характер той его связи с целью, которую требуется выявить для

⁶⁴ Розов, Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – С. 100.

⁶⁵ Там же. – С. 101.

⁶⁶ Цит. по: Леонтьев, Д. А. Указ соч. – С. 27.

раскрытия его смысла. Речь фактически идет о *любой* связи с целью *любого* объекта.

Однако подлинно смыслообразующей является одна только связь с целью поступка, направленного на ее достижение. Во всех прочих случаях связи цели с «чем-либо» правильнее говорить уже не о смысле, а о каком-то значении для цели этого «чего-либо»: его роли и месте в достижении цели, функциональном назначении и т. п.

Так, предметы, изготовленные нами с определенной целью, для определенного вида работ, приобретают, тем самым, лишь определенное функциональное назначение, но не смысл. Неточен тот же Ж. Нюттен, считающий, что «когда мы (в указанной конкретной ситуации. – А. Х.) спрашиваем "Что это?", мы спрашиваем о цели, которой служит данный объект, о его роли в поведении, иными словами, о его смысле. Процесс, в результате которого объект воспринимается как имеющий смысл, включает актуализацию *роли* (выделено мною. – А. Х.) этого объекта в общем поведенческом гештальте»⁶⁷. Заблуждается и вторящий Нюттену Д. А. Леонтьев, утверждая, что «предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия»⁶⁸. Здесь налицо осознание не смысла предмета, а его полезности, пригодности для определенного использования, то есть его роли, функционального назначения. А роль – это не смысл. У лопаты, скажем, есть назначение: она – орудие копания. И данное ее назначение – не цель, а функция. Цель и смысл имеются лишь у действий (поступков): например, у изготовления лопаты или ее применения, когда мы роем яму ближнему своему. Но у самой лопаты (как предмета) нет (и не может быть) ни цели, ни смысла. Если, конечно, не разуместь тут под смыслом простое осмысление (осознание) нами ее функции, назначения или даже определенности.

Равным образом для достижения цели значимы условия, в которых находится целеполагающий субъект. Эти условия задают как вообще саму возможность достижения конкретной цели, так и спектр возможных действий по ее достижению. То есть некая «связь» между данными условиями и целью явно просматривается.

⁶⁷ Цит. по: Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 58.

⁶⁸ Там же. – С. 85.

Но разве эта связь делает данные условия осмысленными, наполняя их собственным смыслом?

Или взять еще более существенный момент – проблему постановки самой цели. Ведь то, что мы ставим перед собой те или иные цели, тоже чем-то обусловлено. Например, мы явно учитываем при этом возможность достижения конкретных целей (то есть вышестоящий характер условий) и, будучи в здравом уме и твердой памяти, задаемся только теми из них, что достижимы (как бы ни расходились мнения индивидов по поводу того, что реально, а что нет). В самой же области возможной цели личности определяются: с побудительной стороны – различными ее потребностями, мотивами и мотивациями, а с регулятивной – внушенными ей обществом поведенческими установками, нормами. Отчего данные мотивации и установки, безусловно, тоже оказываются связанными с целью. Однако от этой связи не рождается никакой смысл – ни у определяющих выбор цели факторов, ни у самой выбранной цели (если опять же не разуместь под смыслом ее определенность). Смысл обнаруживается только у действий по достижению этой цели. И не более того. В отношении мотивов и норм цель находится в, так сказать, страдательном, подчиненном положении: это они задают ее, а не она их (а ведь смысл в данной версии мыслится как задаваемый целью тому, что хоть как-то связано с ней). В обратном же отношении задание цели мотивами и нормами есть простое ее детерминистическое обусловливание⁶⁹.

Впрочем, если исключить практикуемое психологами выражение «смыслообразующие мотивы», то мало кто напрямую утверждает, что мотивы и нормы задают смысл того, что они обуславливают. Большинство предпочитает тут окольный путь – через идею ценностей. Ведь и мотивация, и нормы поведения людей связаны с их ценностными установками, а то и могут быть рассмотрены как

⁶⁹ В этом же амплуа, кстати, мотивы и поведенческие нормы выступают и в отношении не «облагороженных» целеполаганием действий людей. Имеется множество примитивных действий, при совершении которых мы руководствуемся не отдаленными и осознаваемыми целями, а непосредственно испытываемыми нами потребностями (которые в данном случае именуется мотивами-стимулами). Аналогично и нормы, вошедшие в нашу плоть и кровь, регулируют наше повседневное поведение на подсознательном уровне, рефлекторно (хотя когда-то они вбивались нам в головы воспитанием и выполнение их преследовало цель избежания наказания или порицания).

таковые. Кроме того, все, что способно удовлетворить какую-то нашу потребность (к чему мы стремимся в наших побуждениях), уже тем самым есть ценность. И даже сама конкретная цель, для того чтобы быть принятой нами, выбранной из числа прочих конкурирующих с ней, должна пройти процедуру оценки своей значимости, важности для нас в настоящий момент, то бишь быть осознана как ценность. Отсюда в данной сфере открываются большие возможности для разнообразных словесных игр, чем, само собой, не упускают случая воспользоваться многие авторы.

Так, Э. Шпрангер под понятием смысловой связи понимает «связь с ценностью, выступающей объяснительной инстанцией по отношению к смыслу (с целью как ценностью? – ибо в роли такой инстанции выступает только цель. – А. Х.)»⁷⁰. С. Н. Баранец полагает, что «вопрос о смысле» – это вопрос «о ценности и предназначении» истории⁷¹. На необходимость ценностных предпосылок у наблюдателя, для того чтобы наблюдаемая им история получила смысл, указывает и Н. С. Розов⁷². Хотя наличие таких установок (если обойти стороной их роль в выработке наших целей) само по себе ведет лишь к тому, что история может быть оценена, осмыслена как ценность, и не более того. А значимость, ценность чего-либо точно так же не являются для нас смыслом этого чего-либо, как им не являлись выше сущность, закономерность или роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, опять-таки нельзя не присоединиться к выводу С. Н. Баранца о том, что «все, что отыскивается людьми под именем "смысла", имеет к смыслу чаще всего лишь очень косвенное отношение. Идея, закон, порядок, суть и сущность – все это еще (или, быть может, уже) не есть смысл, и даже некая *summa* и этого и многого другого тоже не есть искомый смысл. Чаще всего

⁷⁰ Леонтьев, Д. А. Указ. соч. – С. 23.

⁷¹ Баранец, С. Н. Указ. соч. – С. 36. Причем даже «уразумение истинного предназначения» человечества, по мнению данного автора, должно происходить не как уразумение цели нашего существования, а «в связи со значением и ценностью настоящего и прошлого в собственно человеческом бытии» (Баранец, С. Н. Проблема смысла истории: современные перспективы социально-философского анализа (ст. вторая) // Труды членов РФО. Выпуск 6. 2003. – С. 139). То есть и само предназначение понимается С. Н. Баранцем вовсе не как предназначение, а как значимость.

⁷² Розов, Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. – С. 97.

ищется то, что ищется, но при этом нередко думается, что находящееся и найденное и есть тот самый смысл⁷³. Неизвестно почему, но многих философов отчего-то так и тянет вместо уместных в тех или иных конкретных контекстах, давно освоенных в языке и куда более понятных терминов «определенность», «тенденция», «роль», «ценность» и других непременно использовать туманное и плохо понимаемое большинством слово «смысл». При упорном к тому же игнорировании его собственного значения (в котором оно сопротивляется подмене его другими терминами).

Впрочем, я бы не хотел, чтобы у читателя создалось впечатление, будто я навязываю ему свое истолкование термина «смысл». Я, конечно, считаю, что именно имманентное его понимание адекватно, однако признаю за каждым право задавать используемым им словам те значения, которые ему ближе (со всеми вытекающими отсюда последствиями для значений комбинируемых из них выражений и для наличия у оных денотатов). Единственное, на чем я решительно настаиваю в данных заметках, так это на том, что указанные значения должны быть определенными (и, желательно, однозначными).

Нельзя говорить (и вообще мыслить) о неопределенном (я имею в виду, разумеется, разговор не о термине «неопределенное», значение которого вполне определено, а о его денотате, о собственно неопределенном). Ибо это разговор ни о чем, отсутствие разговора. Говорить (и мыслить) можно только об определенном. Во всяком случае, если мы намерены не просто сотрясать воздух звуками, а понимать друг друга (и самих себя).

Бог с ней, с логикой! Я апеллирую хотя бы к простейшему здравому смыслу. Есть желание поговорить о чем-то? – давайте определимся с тем, что представляет собой предмет разговора. Интуиция и смутные догадки о том, что «тут что-то есть», хороши лишь как мотивы к сосредоточению внимания и инициации поиска. Но сам поиск должно вести рационально, а для этого, в первую очередь, он обязан быть определенным. Глупо искать черную кошку в темной комнате, когда ее там нет. Но еще нелепее искать то,

⁷³ Баранец, С. Н. Проблема смысла истории... (ст. вторая). – С. 147.

не знаю что: тут не поможет и полноценная освещенность комнаты. В таком случае, конечно, можно найти очень многое и даже все, что угодно, однако, что бы мы при этом ни нашли, раз нам не известно, *что*, собственно, мы ищем, то у нас никогда не будет ни уверенности, ни доказательств того, что мы обнаружили именно то, что нужно. Останется только гадать, соответствует ли попавшееся нам под руку «найденное» (я ставлю тут кавычки, ибо, строго говоря, беспредметный поиск – не поиск, и то, что попадает под руку при таком неосмысленном обшаривании пространства – не найденное) тому, что подвигло нас на поиски. Впрочем, даже и гадание тут невозможно. Как можно гадать о соответствии чего-то чему-то, когда и то и другое неопределенно? Так что в любом случае необходимо прежде выработать хоть какое-то представление об ис-
скомом.

А выработка такого представления наверняка выявит, что то, что прежде, кутаясь в загадочной дымке неопределенности, казалось неразрешимой проблемой, на самом деле ничуть не проблематично. Как это, в частности, обнаруживается и применительно к проблеме смысла истории. Ведь, в сущности, говоря словами Н. Винера, «весь спор» о том, есть ли у истории смысл, нет ли у истории смысла, а также о том, каков конкретно этот смысл (если он есть), «можно отложить в архив плохо сформулированных вопросов»⁷⁴. Достаточно хорошо сформулировать эти вопросы – и спорить станет практически не о чем. Хорошо же сформулировать их – значит вместо «темного» термина «смысл» (который разные авторы, полагая, что они говорят об одном и том же, понимают тем не менее совершенно различно и которому, более того, даже одни и те же авторы, нарушая закон тождества, придают по ходу своих рассуждений разные значения) непосредственно подставить более внятные термины. Чтобы эти вопросы звучали не: «Есть ли у истории смысл?» и не «Каков смысл истории?», а конкретно и ясно:

– Есть ли у истории человечества (впрочем, тут можно вопрошать об истории чего угодно) определенность (то есть содержание)? Какова эта определенность (содержание)?

⁷⁴ Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине // Информационное общество: сб. – М.: АСТ, 2004. – С. 122.

– Обусловлен ли ход истории какими-либо закономерностями? Каковы эти закономерности?

– Имеется ли у исторического процесса определенное направление, тенденция? Какова эта тенденция?

– Двигается ли человечество в ходе своего исторического развития к какому-то конечному (или более совершенному) состоянию? Каково это состояние?

– Входит ли история человечества в состав истории Солнечной системы (Галактики, Вселенной, Мира)? Играет ли она в этой последней истории какую-либо роль, имеет ли для нее какое-нибудь значение? Какую именно роль она в ней играет, какое значение имеет?

– Имеются ли у людей какие-то ценностные установки? Влияют ли они на выработку их целей и характер совершаемых ими поступков? Каковы эти установки (ценности)?

– Выступает ли история человечества средством достижения некоей Суперцели, заданной ему Сверхсуществом? Какова эта Суперцель?

– Является ли история человечества средством достижения некоей Цели, которую ставит себе само человечество? Какова эта цель?

– Является ли история человечества средством достижения целей, которые ставят себе люди, каждый человек в отдельности? Каковы эти цели?

Ну, и так далее. (Подозреваю, что в данной статье мной перечислены отнюдь не все имеющие хождение варианты понимания термина «смысл», отчего предлагаемый список вопросов далеко не полон.)

При таком подходе к делу сразу снимается главная трудность проблемы смысла истории – неопределенность предмета разговора.

Каждый из указанных конкретно поставленных вопросов требует столь же конкретного ответа и вполне может им увенчаться. Так, у истории человечества, безусловно, имеется и определенность (содержание), и направленность, обусловленная закономерностями, и вписанность в историю Солнечной системы и множества других систем (а стало быть, место, занимаемое в ней, роль в истории этих систем, значимость для нее). Ввиду чего возможно

установить и то, каковы указанные определенность, тенденция, закономерности и место.

С другой стороны, история человечества очевидно не выступает средством достижения ни Суперцели некоего Сверхсущества (за неимением оно), ни гипотетической Цели, поставленной себе самим человечеством (за неимением его единства хотя бы на протяжении всей его предшествующей истории), ни целей отдельных индивидов (поскольку средствами достижения таких целей выступают лишь поступки данных индивидов, но не история человечества в целом). А соответственно выяснить вопрос о том, каковы указанные Цели и цели или невозможно (в отношении Целей, коих нет), или бессмысленно (в отношении целей отдельных людей, ибо познание этих целей не есть познание смысла истории человечества).

Вразумительность вопроса обеспечивает и ясность ответа. Когда же смысл вопроса туманен, когда каждый понимает под смыслом истории что-то свое, да еще и в одной фразе одно, в другой – другое, а в третьей – третье, то недостижимо ни взаимопонимание (что ведет к несогласию и вечным спорам), ни даже понимание каждой из спорящих сторон сути своих собственных размышлений. Вот и остается лишь сетовать на то, что «рассуждать на тему о смысле истории можно адекватно лишь в жанре теоретической фантазии»⁷⁵.

⁷⁵ Баранец, С. Н. Проблема смысла истории... (ст. первая). – С. 32.